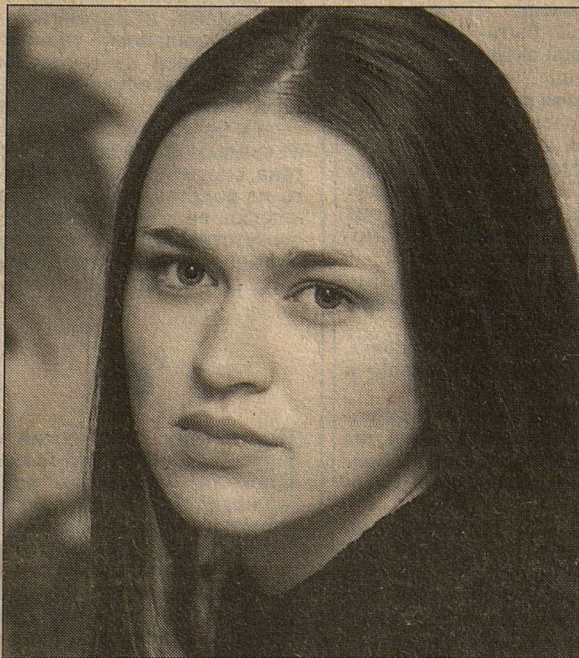

— Пришлось ли тебе столкнуться с проблемой устройства в театр, когда ты закончила институт?

— О, да! Это было время больших разочарований для меня; встала вечная проблема амплуа. В институте я играла только характерные роли. А тут стало понятно, что в театре молодая характерная актриса никому не нужна, ведь там много актрис в возрасте, просто "выросших" из героинь и решивших играть социальные роли. Я была в отчаянии: везде, казалось, нужны только красивые девочки-героини.

— В итоге ты попала в "Табакерку" — театр, престиж которого среди молодежи очень высок. Наверняка ты испытываешь дефицит творчества. Но сейчас есть много альтернатив: антрепризы, контракты с другими театрами, "Дебют-центр". Ты не собираешься попробовать себя на стороне?

— Я пока осторожно отношусь к идее уйти в антрепризу или еще куда-нибудь. Держит большое уважение и благодарность Олегу Павловичу взявшему меня в свой театр. Я пока терплю и жду. Если же говорить об общей ситуации отсутствия работы, так это сейчас время такое, Москва такая. Наверное, оказаться на плаву — это лишний раз проверить себя: действительно ли тебе нужен театр. Нам повезло в том плане, что Табаков умеет задействовать, показать, раскрутить свою молодежь, а ведь в других театрах положение молодых актеров действительно очень тяжелое.

— Ты думаешь, люди, каждый год прорывающиеся через огромные конкурсы в театральные училища, знают об этом?

— Наверное. Но ведь в эту профессию идут те, у кого много комплексов и кто, вопреки им, хочет себя выразить. Учеба в театральном институте особая. Первый год — действительно учеба. А второй, третий, четвертый — время, когда личности дают сформироваться. За эти четыре года в моей жизни столько всего произошло! Я жила в общежитии (вот где школа жизни!), прошла разные этапы в отношениях с педагогами, испытала любовь, разочарование, снова любовь. Наконец, родила ребенка, а это событие, после которого происходит определенная переоценка ценностей. Я поняла, что такое сменить три квартиры за три месяца; я поняла, что такое усталость.

— А где ты берешь силы, чтобы после тяжелого дня выйти на сцену и играть?

— Во мне до сих пор сидит какая-то неуспокоенность в отношении к театру. Вот сейчас я часто гуляю с ребенком и ловлю себя на том, что наблюдаю не столько за ним, сколько за мамашами на площадке. Актерски наблюдаю. Еще силы дает мечта о том, что у меня должно что-то случиться. Заряжаюсь силами, и когда приезжаю домой — в Сибирь, к Енисею, общаюсь с мамой. И там, и здесь, в Москве, восстановить душевное равновесие мне помогает чтение моих любимых Искандера, Астафьева, Давида Самойлова.

— Что тебя не устраивает в нынешнем театре?

— Я вижу сейчас театр, из которого уходит сердце, душа; уходит актер. Недавно моя знакомая попросила сводить ее в театр. На мой вопрос "А на что вы хотите?" она ответила: "Ну, Юленька, с такой жизнью, как у нас сейчас, хотелось бы увидеть что-нибудь веселое". И сейчас много такого "веселого", иначе говоря, буффонадного, но для меня это ненастоящий театр. Наверное, это выглядит консервативным, но я все-таки ученица Табакова и Лобанова, я из МХАТа — а это нормальный консерватизм. Сейчас все идет к форме, условно говоря, к самолету на сцене. А я не хочу быть винтиком в этом самолете!

— В вашем театре идет уже три спектакля с активным использованием телевидения, киноврезок. Ты играешь в одном из них — "Любовь как милитаризм". Как ты относишься к этому синтезу кино и театра?

— Это эксперимент. Но нельзя долго играть в эти игрушки!

Телевизор и так захватил слишком многое в нашей жизни, на сцене ему не место.

— Получается, что ты идешь на компромисс с собой, играя в нем...

— Это была первая большая роль, которую мне предложили, к тому же сразу после рождения сына; мне было страшно, что про меня забудут, хотелось играть! Но не скрою, что мне в работе над этим спектаклем телевизора хватило гораздо больше, чем режиссуры.

— А что лично тебе нужно от режиссера?

— Мне нужна подробная работа над ролью, над взаимодействием с партнерами — то, что было у Эфроса, о репетициях которого я читаю с белой завистью. Мне в работе над спектаклем, над ролью всегда интересен человек, что его толкнуло на поступок, что он изменил в себе и в жизни. Вот почему мне нужен подробный режиссерский разбор. Не хватает режиссера, работающего на ансамбль, а не на форму, общую картинку.

— Ты сравнительно недавно пришла на профессиональную сцену. Какие отношения со зрителем успели у тебя сложиться?

— Я очень люблю моменты в спектакле, когда зрители замирают и доверчиво, как дети, прислушиваются ко мне, к тому, что происходит на сцене. Я ценю эти секунды, когда в театре (как это ни парадоксально) исчезает эффект театра, сцена и зал сливаются в единое целое.

— Как изменится наш театр в ближайшем будущем?

— Театр может сильно ослабиться из-за безнравственности людей, которые в нем работают. Режиссер Роман Козак, наш бывший педагог в Школе-студии, говорил нам: "Сцена — это сто квадратных метров нравственности".

— А что значит "актерская нравственность"?

— Я считаю, что человек, который играет и несет со сцены добро, не может, не должен быть стержневым, завистливым. Или пусть борется со своими пороками, хотя бы, не выдает их за особые прелести. Конечно, обойтись совсем без конфликтов в театре нельзя. Но каждому актеру на определенном этапе нужно понять, что театр — это особая среда, и в ней нужно научиться жить и научиться быть нравственным вопреки многому.

— Что бы ты хотела сыграть?

— Какие-то конкретные вещи я не назову, но вообще мне хочется играть человека со своим прошлым, со своей родной, тоской или печалью. Мне нравятся люди мечущиеся, неуспокоенные. Я и сама все никак не могу успокоиться.

Беседовала Дарья БОРИСОВА